

Еще раз про
любовь

Литературное
приложение
к журналу

Всё
для женщины

Ирина Мартова

СВОЯ ПРАВДА

Литературное приложение к женским журналам

Ирина Мартова

Своя правда

«ИМ Медиа»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Мартова И. В.

Своя правда / И. В. Мартова — «ИМ Медиа»,
2021 — (Литературное приложение к женским журналам)

ISBN 978-5-6044500-8-6

Если мы сильны духом, умны, равнодушно, то в сложной ситуации заставим себя вовремя остановиться и задуматься, чтобы понять и, быть может, простить. Вселенная откликается на этот добрый посыл и дарит нам прощение, любовь, счастье, благоденствие. В жизни двух сестер, Сони и Веры, все изменилось, когда они узнали, что отец и мать им не родные. Вера, учительница, горит желанием найти настоящих родителей, чтобы понять, почему они отказались от своих детей. С этой целью она отправляется в Белгородскую область, откуда, предположительно была их биологическая мать. Вера понимает, что последствия столь решительного шага непредсказуемы, но не собирается отступать...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-6044500-8-6

© Мартова И. В., 2021
© ИМ Медиа, 2021

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	34
Глава 12	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ирина Мартова

Своя правда

© Мартова И., 2021

© ИД «ИМ Медиа», 2021

* * *

«Правда редко бывает чистой и никогда не бывает простой...»
Оскар Уайльд

Вместо предисловия

Вера от неожиданности даже растерялась. Сдвинув брови, она резко выпрямилась и, пошатнувшись, выронила из рук злосчастную бумажку. Постояла в нерешительности, слушая, как тревожно колотится сердце. Хотела сразу уйти, но природное любопытство пересилило воспитанные годами правила поведения.

Девушка опустилась на колени, поспешно собрала в стопку разлетевшиеся по полу письма, старые телеграммы, поздравительные открытки, квитанции, какие-то выписки... Потом осторожно, словно боялась обжечься, дотронулась до странного, сложенного пополам гербового листа, пожелтевшего от времени. Затаив дыхание, долго смотрела на этот документ, случайно выпавший из верхнего ящика маминого письменного стола.

В висках оглушительно стучало, словно сотни крошечных молоточков безжалостно долбили в одно и то же место. Почему-то не получалось сосредоточиться, и какая-то очень важная мысль все ускользала и ускользала, оставляя ощущение недосказанности и полуправды.

Прислонившись к стене, Вера сглотнула острый колющий ком в горле и, пытаясь успокоиться, внимательно присмотрелась к поблекшим буквам, никак не складывающимся в понятный разуму текст. Буквы расплывались, теряли очертания и беспокойно прыгали. Предательская слеза капнула на загадочный старый листок, оставив на нем бесформенное пятно.

Вера вытерла подолом халата глаза и шепотом, будто боясь ошибиться, медленно-медленно прочитала по слогам: «Сви-де-тель-ство об у-сы-нов-ле-нии...»

Глава 1

Громкий дверной звонок внезапно разорвал тишину спящей квартиры. Софья, приподняв голову с теплой подушки, испуганно прислушалась и посмотрела на мирно тикающий будильник. Два часа ночи.

«Господи! Кого принесло?» – мелькнула недовольная мысль.

Охваченная дурным предчувствием, Соня вскочила и опрометью кинулась в прихожую. Из детской комнаты тут же высунулась взлохмаченная голова заспанной Катюшки.

– Мам? Это кто?

– Не знаю. Спи.

Звонок требовательно повторился. Софья, в ночной рубашке, босиком, замерла на мгновение, потом осторожно глянула в дверной глазок. Охнув, поспешно распахнула входную дверь.

– Вера? Что случилось? Ты откуда?

Вера перешагнула через порог, оглушительно хлопнула дверью, прислонилась к стене и долго молчала, угрюмо глядя в пол. Потом, тряхнув волосами, тяжело посмотрела на сестру.

– Ты знала?..

Соня прищурилась, пытаясь сообразить, о чем речь, переступила с ноги на ногу, поежилась и сердито пожала плечами.

– Что? Что знала? – Не дождавшись ответа, негодуя вздохнула. – Вера, ну... Что такое? Ты знаешь, сколько сейчас времени, а? Между прочим, два часа ночи! Нормальные люди спят давно! Чего молчишь-то?

Сестра молчала, смотрела в одну точку. Потом медленно сползла по стене, села прямо на пол, подтянула к себе колени и закрыла лицо руками. Соня ахнула, испуганно схватилась за грудь. Тут же забыв о гневе, кинулась к сестре.

– Господи, да что с тобой, Вера? Что такое, а? Сестренка!

За спиной раздался шорох, и Соня спохватилась – дочь, перепуганная ночным появлением Веры, до сих пор нерешительно топталась возле своей комнаты.

– Катя, – нервно выдохнула Соня, – марш к себе! Быстро. Спать ложись. И плотно закрой дверь. – Она перевела растерянный взгляд на сестру, осторожно тронула ее за плечо. – Верочка, что с тобой?

Вера упрямо молчала. Соня заметалась по комнате, потом остановилась возле сестры, присела рядом с ней на пол.

– Не знаю, что случилось, но нельзя же здесь сидеть всю ночь! Пойдем в комнату, Верочка. Давай помогу.

Она встала, подала руку девушке, обняла ее за талию и повела в небольшую гостиную. Усадила Веру в потертое кожаное кресло, а сама забралась с ногами на диван напротив.

Минуты, сгорая, безжалостно падали в вечность. Легкие мгновения вдруг стали тягучими, липкими и ощутимо вязкими. Они растворялись в бесконечности, лопааясь, как мыльные пузыри. Настоящее ежесекундно становилось прошлым. Время уходило. Уставшая ночная тишина плавала по комнате, сгущаясь от напряжения и тревоги.

Уже не зная, что и думать, Софья умоляюще глянула на бледную сестру.

– Вера, пожалуйста, что случилось? Ты же не просто так пришла в два часа ночи? Тебя кто-то обидел? Пожалуйста, скажи что-нибудь, не молчи! Вера!?

Девушка взглянула на Софью покрасневшими глазами.

– Ты знала, Соня? – хрипло повторила она.

– О чем? – Софья резко подалась вперед. – О чем я должна была знать?

Вера заплакала. Она рыдала, как обиженный ребенок, громко всхлипывая, шумно сморкаясь и кулаком вытирая слезы. Соня совсем растерялась. Вскочив, принесла сестре воды, потом выпила сама из этого же стакана. Забегала по комнате, прокручивая в голове самые ужасные сценарии: обманули, обокрали, обесчестили... Наконец, выйдя из себя, заорала, позабыв от волнения, что за окном плывет глубокая ночь.

– Да что случилось, в конце-то концов? Скажешь или нет? Ты меня с ума сведешь!

Вера встала, вынула из крохотной сумочки два одинаковых свернутых гербовых листа и молча протянула их сестре.

– Что это? – Соня подозрительно прищурилась.

– Читай, – Вера шмыгнула покрасневшим носом.

Софья нерешительно глянула на пожелтевшие бумажки, опасливо взяла их и, шевеля губами, как в первом классе, старательно прочитала вслух крупные заглавные буквы:

– Свидетельство об усыновлении... – Она вздрогнула и напряженно уставилась на Веру. – Это чье?

– Мое, – Вера судорожно всхлипнула, закрыв рот ладошкой, и, не сдержавшись, опять заплакала. – А вот то, второе, – твое.

– Что? Что ты несешь? Выпила?

Но, подумав, перевела взгляд на документы. Затаив дыхание, развернула сначала один, медленно прочла. Потом прочитала второй...

Чувствуя, как тысячи раскаленных иголок противно впились в виски, судорожно выдохнула, пытаясь осмыслить происходящее. Затем резко взмахнула бумагами перед самым лицом сестры.

– Не поняла... Это что? Откуда ты это взяла? Что выдумала опять, Вера? – Но уже через мгновение, словно осознав суть написанного, потерянно глянула на сестру. – Этого не может быть. Этого просто не может быть! Что за бред? Какое усыновление? Где ты это нашла?

Лихорадочно подхватившись, Софья прошлась по комнате, потом остановилась и положила документы на стол. Разглядила их ладонью и стала снова громко читать, судорожно проглатывая слова и слоги...

– Постановление... Усыновляется Софья... Присваивается фамилия...

Мир поплыл, перевернулся, закрутился...

Закрыв глаза, Соня присела на диван, замерла, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Сразу навалилась густая слабость. Мысли лихорадочно заметались, забегали, обгоняя друг друга, отталкивая локтями, огрызаясь и повизгивая...

Возникло нестерпимое желание закричать во все горло. Убежать и спрятаться... Свернуться клубочком и умереть. Хотелось говорить, доказывать, опровергать... Но почему-то Софья не могла сконцентрироваться. Мысли суетились, а слова не приходили на ум. Совершенная пустота, вдруг заполнившая голову, давила ее горячим обручем.

Женщина беспомощно глянула на младшую сестру.

– Я что-то ничего не понимаю, Верочка. Ничего... Подожди! Но ведь это же неправда? Что за ерунда? Какое усыновление? Шутка такая, да?

Вера печально усмехнулась, подошла к ней, осторожно присела на краешек дивана, прижалась щекой к ее плечу.

– Нет, Сонечка, нет, – взволнованно зашептала она. – Я тоже так думала поначалу. А это правда, чистая правда! Так страшно мне сейчас, Сонечка! И я тоже ничего не понимаю, кроме одного: это – документ. Подлинный. Официальный, понимаешь?

Соня, судорожно вздохнув, безглаголиво кивнула на листок, лежащий рядом.

– Вот эта бумажка – правда?

– Да, – Вера развела руками. – Вот эта бумажка об усыновлении – настоящий документ, не подделка, не фикция, не подлог. И в нем сказано, что мы с тобой не дети мамы с папой, а усыновленные, приемные, неродные. Поняла?

– Нет, – Соня покачала головой, недоуменно сдвинула брови. – Как это? А чьи же мы тогда, если не мамины и папины?

Вера достала платок из сумки, высморкалась, вытерла насухо глаза.

– Да какая теперь разница? Не все ли равно?

Старые часы на кухне пробили четыре часа. Глубокая ночь плыла по городу, обнимая дома и улицы, укрывая огромным черно-синим покрывалом переулки и перекрестки, баюкая детей и взрослых, напевая свою вечную колыбельную...

На пороге уже поджидал рассвет, подгоняемый проснувшимся солнцем и готовый вступить в свои законные права. А в квартире на четвертом этаже все горел и горел свет. И только далекие звезды, заглядывая в темные окна домов, печально мигали и, прощально вспыхивая, сгорали, оставляя на небе неяркий длинный след...

Под утро сестры, наплакавшись и нагоревавшись, немного успокоились. Они перешли на кухню и, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Катюшку, уселись пить свежесваренный чай.

Соня, грустно улыбнувшись, взглянула на хмурую сестру.

– Ну, что, Верунь? Как жить-то дальше станем?

– Чего ты веселишься? – возмутилась Вера. – Не вижу поводов для радости.

– Не знаю, – Софья пожала плечами. – Ночь прошла, день наступил. Жизнь продолжается. Сколько можно слезы лить?

– И правда, совсем рассвело, – Вера задумчиво посмотрела в окно.

– Угу. Новый день, новые радости, – Соня покрутила головой, словно пыталась прогнать дурные воспоминания.

– Новые проблемы и новые загадки, – подхватила Вера. – Не забывай, проблемы только начинаются.

– Проблемы? Какие?

– А такие, – младшая сестра недоверчиво прищурилась. – Ты что, действительно собираешься молчать? У мамы ничего не спросишь? Будешь делать вид, будто ничего не знаешь?

– Я действительно ничего не скажу маме. И тебе не советую. Зачем? Какая разница, кто мы, откуда, почему нас усыновили. Во-первых, я в это не очень верю. Во-вторых, я маму люблю, и папу очень любила. И точно знаю, они меня тоже любили всегда. Поэтому не собираюсь проводить дознание. Не надо, Вера, лишних волнений и нервов. Мама в таком возрасте уже, когда плохие новости дорого стоят, понимаешь? Давай ничего не станем выяснять, а? Просто будем жить, как жили...

– Как это? – Вера изумленно округлила глаза. – Как это не будем? Ты в своем уме? Станем жить, не глядя друг другу в глаза? Ну, уж нет... – Она нетерпеливо взмахнула рукой. – Я обязательно хочу спросить у мамы, почему нам ничего не сказали, почему молчали всю жизнь, и кто наши настоящие родители...

– Не стоит, – жестко перебила Софья сестру. – Не надо будоражить нашу жизнь. Сама подумай: тебе – тридцать, мне – тридцать три, и все эти годы наши родители о нас заботились. Любили. Учили нас. Обували, одевали. Посмотри: мы с тобой блондинки, и мама наша блондинка. Мы даже в этом похожи. Зачем какие-то знания о чужих людях, просто нас родивших. Очень глупо и жестоко по отношению к маме.

Вера упрямо молчала. По ее сдвинутым бровям и сердитому выражению лица Соня поняла, что сестра с ней не согласна.

– Помни, Вера, каждый выбирает сам. И свою дорогу, и свои убеждения, и свои поступки. Я, например, не хочу участвовать в этом цирке. Я вообще предпочла бы ничего не знать, потому что мне абсолютно все равно, кто меня родил и почему отказался. Для меня важнее сохра-

нить здоровье женщине, которую я всю жизнь называю мамой, а моя дочь Катя – бабушкой. – Она опустила голову и хлопнула ладонью по столу. – В общем, так. Я буду молчать. А ты как хочешь. Тебя же не остановишь, ты как бульдозер, все сметаешь на своем пути. Только помни о последствиях. И не говори потом, что я тебя не предупреждала.

Соня, допив чай, вышла из кухни, а Вера еще долго сидела за столом, подперев ладошкой щеку. Думала о своей находке, об открывшейся правде. О маме и папе, о сестре, о тех неведомых людях, которые когда-то отказались от них. А потом, даже не заметив, крепко уснула, уронив голову на стол.

Глава 2

Татьяна Львовна старела красиво. Возрасту не поддавалась, болезням не позволяла взять себя в плен. Правда, после смерти мужа, известного профессора-химика, поначалу растерялась. Ей, привыкшей к его постоянному присутствию, казалось, что она потеряла опору. Но время смягчает боль, притупляет...

Муж, Никита Сергеевич, был старше своей жены на пятнадцать лет. Известный химик, заведующий кафедрой, он без памяти влюбился в свою студентку, двадцатилетнюю Танечку. Худенькая девушка из провинции так поразила воображение взрослого мужчины, что он, несмотря на строгие моральные устои, царствовавшие тогда в советской системе образования, и осуждение партийного бюро факультета, с головой кинулся в пучину этой довольно странной и неожиданной любви.

Никита Сергеевич, которому в ту пору уже исполнилось тридцать пять, словно помолодел на много лет. Дарил девушке цветы, редкие книги, колечки и сережки. С упоением покупал любимой платья, коробки конфет и нитки для вышивания, которым она так увлекалась.

Таня поначалу не могла поверить своему счастью. Потом, освоившись, стала смелее и решительнее, научилась поддерживать разговор, серьезно увлеклась неорганической химией. Так дело и сладилось...

Они не устраивали пышной свадьбы, просто пригласили друзей в ресторан, а наутро уехали в родную для Никиты Сергеевича Тверскую область, на озеро Селигер. Туда, где потрясающие рассветы и удивительные закаты, где шепчутся по вечерам камыши и изредка вскрикивают утки, где гуляют свободно бездумные ветры, а звезды по ночам с удовольствием глядятся в темные воды, любясь своим отражением.

Никита Сергеевич оказался заботливым мужем, внимательным и ласковым. А Танечка, повзрослев, превратилась в румяную, стройную даму. Вскоре и она защитила кандидатскую диссертацию и, наконец, попыталась родить мужу наследника.

Говорят, счастья много не бывает. Это точно. Счастье – штука непредсказуемая. Где оно начинается, и где кончается, никто не знает. Счастье приходит, когда захочет, и уходит, когда вздумается. Ему не позвонишь и не пригласишь телеграммой. Оно коварно, застенчиво, смешливо и ласково. Наше счастье – отражение нас самих.

В тот год, когда у Танечки и Никиты Сергеевича должен был родиться сын, счастье отступило на мгновение... Мальчик появился на свет мертвым, хотя беременность протекала нормально. Но горе, поселившееся в их доме, только еще больше сблизило супругов. Они вместе выходили на работу, вместе возвращались, даже в магазин не ходили по одному.

Татьяна побледнела, похудела, зачастила к врачам. Лечилась, ездила на курорты, обследовалась то у одного «светилы», то у другого. Молилась у святых икон, побывала в монастырях, окуналась в целительные воды источников. Ничего не помогло. Диагноз врачей оказался неутешительным – возможность иметь детей стремилась к абсолютному нулю.

Женщина часто плакала по ночам, но днем держала себя в руках, старалась мужа не расстраивать. Никита Сергеевич, хоть и не показывал своего горя, тоже страшно переживал. Ему так хотелось, чтобы в их вполне обеспеченном доме зазвенел, наконец, детский смех.

Так прошло еще два года. Долгих. Тяжелых. Пустых. А потом счастье, словно спохватившись, вернулось, заполнило дом и накрыло своим покрывалом их, уже потерявших надежду. И в тот же год по весне затопали по дому детские ножки, комнаты наполнились веселым смехом, звонким плачем и милым ребяческим лепетом.

В их семье теперь росли две девочки. Две дочки, которым ни в чем никогда не отказывалось, которыми дорожили и которых безумно любили. Старшая Софья, серьезная умница и красавица, и младшая Вера, ласковая, упрямая и разговорчивая хохотушка.

Девочки выросли быстро и как-то незаметно, но когда Соне исполнился тридцать один год, а Верочке – двадцать восемь, отец, совершенно ничем не болевший, вдруг охнул за завтраком, сполз на пол и, схватившись за сердце, умер до приезда «скорой помощи».

Татьяна от горя совсем потерялась. Первые две недели она, онемевшая и оглохшая от этого несчастья, пролежала на диване, отвернувшись к стене. Тихо плакала, отказывалась есть, в университет не ходила, с родственниками не разговаривала. Опухла, отекала, погрузнела, постарела...

Девочки с ног сбились, боялись за мать. Дежурили возле нее по очереди, заставляли есть насильно. Софья, врач по образованию, умела сама делать все необходимое, так что «скорую» каждый день вызывать не пришлось: и капельницы, и уколы, и таблетки – все контролировалось и принималось строго по расписанию.

Время – искусный лекарь, но, к сожалению, не волшебник. Время, конечно, многое может. Словно губка, впитывает горестные стоны и слезы, растворяет печали, туманит разум, смягчает боль утраты. Время не лечит, но облегчает страдания, настраивает на размышления.

Татьяна Львовна, опекаемая детьми и друзьями, немного оправилась, собралась с силами и стала дальше жить. Одна. Без любимого. Без поддержки и совета. Печально глянула на себя в зеркало, заказала в церкви молебен, сняла черное платье и, вздохнув, однажды вышла на работу. А куда деваться? Дочери, внучка, заботы, проблемы, студенты. Жизнь потихоньку возвращалась на круги своя.

Глава 3

Катя открыла глаза и радостно улыбнулась. Ой, как хорошо дома! Все вокруг такое знакомое и любимое с детства. И книжная полка, на которую мама еще в юности ставила свои книги, и письменный стол, который купил дед, и мишка с оторванным ухом, привезенный отцом из командировки, и голубоглазая кукла, подаренная Верой, любимой тетей.

Катя откинула легкое одеяло, сунула ноги в тапочки и медленно двинулась на кухню, откуда по всей квартире расплывались вкусные дразнящие запахи.

У окна сидела Вера, неожиданно приехавшая ночью. Мама стояла у плиты и пекла блинчики.

– Вер, привет! Ты плакала, что ли? – подозрительно спросила Катюша.

– Нет, что ты, – тетя пожала плечами. – Просто плохо спала.

– Да? – Катя недоверчиво сдвинула брови. – А чего ночью приехала? Случилось что?

Соня бросила тревожный взгляд на сестру, но та спокойно улыбнулась.

– Ничего не случилось. Не переживай. Мне очень нужен был совет Сони по одному важному для меня делу, вот и пришлось ночью вас разбудить.

– А-а... – Катюшка разочарованно вздохнула, – жаль... Я надеялась, ты что-нибудь интересное расскажешь. – Девочка с удовольствием откусила блинчик, а потом опять посмотрела на Веру. – А вы что, тут всю ночь просидели? Проболтали?

– Катя, что за допрос? – подала голос Софья.

– И не допрос вовсе, – девочка нахмурилась. – Просто интересно.

Соня, снимая со сковороды готовый блинчик, кивнула.

– Потом поинтересуешься. Ешь поскорее. Давай-ка, бери чай. Тебе же сегодня еще на музыку, да?

– Да.

– Вот и поторопись, – Софья выразительно глянула на дочь.

– А куда торопиться-то? Это последнее занятие.

– Почему? – удивленно спросила Вера.

– Как почему? – девочка насмешливо хихикнула. – Вот и видно, что ты всю ночь не спала, – она хитро прищурилась. – Сейчас какой месяц? Май? А в мае школьные занятия заканчиваются, и начинаются каникулы. Лет-ни-е! Любимые! Так что – ура!

Соня снисходительно улыбнулась.

– Ура-то ура, но музыка не терпит ленивых и нерадивых. И на каникулах тебе, Катенька, тоже придется заниматься. Вот так-то, доченька.

– Вот что вы за люди, – Катюшка недовольно вздохнула. – Сразу про занятия!

– Так, хватит разговоров – оборвала ее мать. – Поела – иди, занимайся.

Вера, допив чашку чая, встала из-за стола.

– Ладно, девочки, и я пошла. У меня тоже дел по горло, надо еще себя в порядок привести. Да и мама волнуется. Уже звонила, – произнесла Вера.

– Передавай привет бабулечке, – махнула рукой Катя.

– Угу, – тетя кивнула и вышла из кухни.

Соня, сняв фартук, поспешила за ней.

– Вера, только прошу, не наломай дров.

– Ты о чем? – сестра поджала губы.

– Сама знаешь, о чем. Не торопись с расспросами. Не нервируй маму и сама с ума не сходи.

– Ладно, разберемся. Но... – Вера резко обернулась и глянула сестре в глаза. – Не думай, что я все это так оставлю. Я обязательно найду наших кровных родственников, узнаю, кто наша мать и выясню, почему она от нас с тобой отказалась. Поняла?

Соня устало прислонилась спиной к холодной стене.

– Зачем? Я правда не понимаю, зачем? Для чего? Мы так хорошо и спокойно живем. Это пустые хлопоты. Ну, что ты хочешь доказать и кому? Каких родственников собралась искать? Было и прошло. У нас своя семья, у этих людей своя. Не нужно ничего, оставь все как есть. Раз родители нам ничего не сказали, значит, и не надо нам было знать. Угомонись, Вера.

– Нет! – Вера чмокнула Соню в щеку. – Маму, так и быть, пока не стану пытаться, но все равно все узнаю. Все-все-все. Вот увидишь!

Проводив сестру, Софья поправила волосы, пошла на кухню и, налив себе чаю, присела возле окна, задумчиво глядя во двор.

Крохотная семья ее жила легко и счастливо. Денег, конечно, вечно не хватало, да и откуда им было взяться? Соня работала участковым терапевтом в городской поликлинике, мама, Татьяна Львовна, хоть и читала еще спецкурс в институте, помогать дочери уже не могла. Правда, пока был жив папа, родители дочь и внучку очень поддерживали, но теперь...

Маме за лекции платили немного. За профессорское звание, изданные когда-то книги доплачивали, но ведь с мамой жила Верочка. Они там тоже варились в собственном соку. Катя с Соней ни на что не жаловались, не хотели обременять.

Софья дочь свою обожала. Катя росла послушной и умной, старательно училась музыке и очень увлекалась танцами. Мужчин, понятное дело, в этом бабьем царстве не водилось. Папа умер, а Сонин муж, Катин отец, растаял на просторах нашей необъятной родины через два года после рождения дочки. Ему, геологу, в Москве оказалось тесно, трудно дышалось. Вот он и двинулся в Сибирь-матушку покорять ее просторы. Поехал, по словам рассерженной Татьяны Львовны, искать несметные богатства.

Соня горевала долго. Все не могла взять в толк, как в такой огромной Москве может быть тесно. А потом сообразила: супруг просто искал свободы, которую их брак, очевидно, ограничивал.

Исчезнувший в необъятной Сибири, муж поначалу, ошалев от счастья, даже не писал, но лет через пять, видно, вдоволь нахлебавшись свободы и независимости, вдруг запросился обратно. Но тут уже Софья, давно оформившая развод, встала в позу и наотрез отказалась принимать сбежавшее когда-то недоразумение в образе бывшего мужа.

С тех пор жизнь Сони, спокойная и неторопливая, радовала ее своей наполненностью и упорядоченностью. Женщине нравилось все, чем был заполнен каждый ее день: смех дочери, снисходительное ворчание мамы, любимая работа, неугомонные затеи младшей сестры, совместные ужины, воскресные походы в парк и кино... Все это казалось Соне естественным и подлинным человеческим счастьем.

Соня, с детства окруженная книгами, обожала чтение. Читала ночи напролет и мечтала стать учителем литературы. В результате учителем, правда, начальных классов, стала младшая Верочка, а Соня отправилась поступать в медицинский, удивив родителей столь внезапным выбором.

Когда отца не стало, Соне, уже работающей врачом, исполнился тридцать один год. Неожиданность беды и непоправимость утраты так потрясли ее, уже, кстати, не однажды видевшую смерть, что она первые три дня даже разговаривать не могла, не хватало сил. Только плакала, уткнувшись в подушку.

Верочка же быстро сумела взять себя в руки. Сжалась, как пружина, побледнела до синевы, но, глотая слезы, моталась от мамы к Соне, поддерживая их. Друзья Веры тоже помогали. Встречали и провожали соседей, коллег, родственников. Накрывали столы, убирали грязь-

ную посуду, покупали лекарства и ездили на кладбище. Сониная лучшая подруга Зинаида тоже дневала и ночевала у Сони в квартире, водила Катюшку в школу, забросив все свои дела.

Вздыхнув, Софья вернулась в день нынешний. Что ж, жизнь идет своим чередом. Она прислушалась. Катя готовилась к экзамену в музыкальной школе. Заучивая этюд, девочка несколько раз споткнулась в одном и том же месте, и теперь упорно повторяла пассаж.

– Боже, что теперь будет? – вздохнула Соня. – Как жить, не зная, кто ты и откуда? И как у мамы спросить? И надо ли... – Она закрыла лицо руками. – И почему нам всем не живется спокойно? Беда за бедой. И зачем Верочка полезла в этот ящик! Жили бы себе, горя не зная. А теперь... – Соня перевела взгляд на настенные часы. – Ох! Уже одиннадцать!

Опрометью кинулась в ванную. Надо спешить – работа не ждет...

Глава 4

Вера не находила себе места. Всегда очень активная, подвижная, энергичная, она теперь чувствовала себя как воздушный шарик, из которого выпустили весь воздух. Совершенно обессилиев от переживаний, Вера то принималась плакать, то застывала, глядя в одну точку, то начинала размышлять вслух. Сама себя уже не узнавала. Будто что-то сломалось внутри, надломилось, треснуло...

Вера никогда не бросала начатое. Если что-то задумала, обязательно доводила до логического завершения. Друзья это знали, ценили и очень Веру любили. Да и как не любить человека, который по праву считается душой компании: и продумает все, и любое мероприятие подготовит, и продукты закупит, и на помощь первой кинется.

На работе все складывалось удачно, а вот в личной жизни Вере не очень везло. Отсутствие женского счастья друзей удивляло, ведь, как говорится в известном фильме, и красавица, и умница, и спортсменка...

Высокая, стройная, тонкая в талии, длинноногая девушка притягивала мужские взоры. Роскошные светлые волосы цвета зрелой пшеницы, пышной копной рассыпанные по худеньким плечам, огромные серо-голубые глаза, нежный румянец... Молодые люди изошрялись в комплиментах, назначали свидания, приглашали в театры. Хороводом ходили вокруг веселой стройной красавицы, наперебой угождали и без усталости ухаживали. Только сердце Верочки не реагировало на назойливых воздыхателей.

Счастье ведь само решает, когда переступить порог дома, когда постучать в окно, когда выйти навстречу. Счастье само нас выбирает, а мы лишь должны удержать его, разглядеть, узнать, не пройти мимо...

Вера еще в ранней юности дала себе слово выйти замуж только по большой любви, и ждала ее терпеливо и трепетно. Однажды, правда, ей вдруг почудилось, что дождалась, но, оказалось, – мираж.

После смерти отца девушка долго тосковала, но постепенно жизнь приобрела привычные очертания. Мама, наконец, стала улыбаться, у нее проснулся интерес к вязанию. Сестры в привычных и давно знакомых обыденных мелочах опять находили удовольствие и, научившись жить с болью утраты, вздохнули свободно.

Им тогда показалось, все страшное позади. Но судьба сама пишет сценарий и устраивает наше будущее. Новая беда обрушилась на сестер, откуда не ждали. От этого случившееся казалось им теперь не просто трагедией, а настоящим предательством и вероломным обманом. Верочка, в поисках ключей от дачи открыв, верхний ящик старого письменного стола, и обнаружив непонятные документы, разделила их вполне счастливую жизнь на две половинки: до и после.

Девушка не находила себе места. Не спала толком, не смотрела маме в глаза, не болтала с подругами по телефону. Только думала: «Кто те люди, что отдали нас в чужую семью? Почему? Зачем отказались от детей? И как могли родители не рассказать нам, уже довольно взрослым и самостоятельным, об этой тайне?»

Глава 5

Галина Николаевна любила утренние часы. Ей нравилось, окунувшись в тишину еще спящего дома, небрежно накинуть атласный халат на плечи, прошлепать в мягких тапочках на кухню, заварить себе чашечку настоящего бразильского кофе, постоять и открытого окна и, вдохнув аромат свежего утра, с удовольствием выпить крепкий ароматный напиток. Совершив этот привычный каждодневный ритуал, она неторопливо приступала к будничным делам. Принимала душ, слушала последние новости и, наконец, закончив обязательный утренний макияж, бралась за работу.

Галина Николаевна жила одна. Одной она оставалась всегда: и в годы юности, и во время молодости, и теперь, в период неожиданно подступившей зрелости. Предпочитала одиночество веселой компании.

Коллеги, подруги и соседки с завистью поглядывали на ее ладную, вовсе не худенькую фигуру, седые волосы, подстриженные очень коротко, «под мальчика», которые она принципиально не красила, руки, унизанные крупными кольцами и массивными браслетами.

Даже в свои шестьдесят женщина не отказывалась от брюк, стильных блузонов, кокетливых шляпок, элегантных платьев. И всегда, несмотря ни на что, делала легкий макияж, утверждая, что женщина должна всегда оставаться женщиной.

Властная, умная, принципиальная, Галина никогда не шла на компромисс. И в жизни, и в работе соблюдала одно нерушимое правило – лучше меньше, да лучше. Быть может, поэтому не вышла замуж – все искала лучшего среди лучших, первого среди первых.

Знакомых у нее к шестидесяти годам оказалось огромное множество, но душевная подруга так и осталась одна – Татьяна Львовна.

В молодости Галя случайно познакомилась с девушкой, пришедшей в университетское издательство с поручением от заведующего кафедрой. Они разговорились, потом созвонились по делу, затем встретились на факультете и вдруг подружились, да так, что за всю их долгую жизнь не наскучили друг другу, не надоели, не повздорили ни разу.

Татьяна Львовна тоже обожала свою подругу, которая до сих пор контролировала ее самочувствие, критиковала одежду, требовала отчета о еде и, кстати, была крестной матерью младшей дочери Верочки.

Галина свою крестницу боготворила. Она считала, что ей, никогда не рожавшей, сам Бог послал такую крестную дочь. Несмотря на то, что дети семьи Степановых ни в чем и не нуждались, крестная мать находила бесконечные поводы для сюрпризов. Появляясь внезапно, она осыпала детей сладостями, подарками, приглашениями в поездки... Верочку то и дело забирала к себе: водила в музеи, устраивала ей походы по магазинам, даже возила за границу.

Сегодня ночью Галина спала плохо. У соседей всю ночь заливисто плакал маленький ребенок, под окном у кого-то несколько раз срабатывала автосигнализация, и ее вой, усиленный ночной тишиной, гулко разносился по округе.

Галина просыпалась много раз, ворочалась, тяжело вздыхала и, наконец, не выдержав бестолковой маяты, решительно села на кровати. Свесив босые ноги с постели, замотала головой, прогоняя остатки тяжелого сна, который под утро вдруг заполонил сознание и вылился в дурацкое видение, нагоняющее ужас и панику.

Сообразив, что это всего лишь сон, Галина Николаевна облегченно выдохнула и, одернув ночную сорочку, неторопливо прошлепала на кухню в своих роскошных мягких тапочках. Совершила ежеутренний ритуал: кофе, маска, прическа. Осталось приукрасить себя легкими румянами... Но в дверь требовательно позвонили. Звонок повторился. Резко. Настойчиво. Галина Николаевна недовольно скривила губы: «Что за сирена? У кого нервы сдают?»

Распахнув двери, застыла в изумлении. На пороге стояла ее любимая крестница.

– Вера? Ты? Вот так сюрприз! Заходи.

Девушка молча сняла светлые туфельки, легко поцеловала крестную в щеку и, не оглядываясь, прошла в комнату. Галина пожалала плечами. Захлопнула входную дверь и двинулась за Верой в комнату.

– Так... Это что еще за фортели?

Девушка, не глядя на нее, молчала, сильно покраснев и сжав кулаки. Галина поняла: дело нешуточное.

– Ну, ладно, – миролюбиво кивнула Галина. – А чай-то будешь пить? Или в молчанку поиграем?

– Угу. Буду, – пробормотала Вера.

– Вот и правильно. Сейчас заварю. Посиди тут пока. А хочешь, иди сюда, на кухню.

Вера встала и пошла за крестной.

Пока закипал чайник и заваривался чай, они молчали. За окном надрывалась какая-то птаха, высвистывая только ей известный мотив, равномерно постукивали на стыках утренние трамваи, где-то у подъезда отчаянно спорили малыши и судачили говорливые соседки.

А они все молчали. Вера, поджав губы, упрямо отводила глаза в сторону, стараясь не встречаться с озабоченной крестной взглядом, а Галина Николаевна, хотя ее грызло любопытство, занималась чаем.

Наконец, когда чашки, наполненные ароматным напитком, заняли положенное им место, Галина села напротив крестницы.

– Ну? Чего бесишься? – поинтересовалась она.

Вера вдруг заплакала. Галину, привыкшую ко всяким поворотам, это напугало.

– Вера? Что такое? – она отодвинула свою чашку, пересела к девушке поближе. – Так, все... Хватит слезы лить. Давай, выкладывай. И не вздумай морочить мне голову.

Верочка, всхлипнув, вытерла глаза, на мгновение затихла, собираясь с силами.

– Кто наши родители, мам Галь? – прошептала она. – Ты же в курсе.

Галина Николаевна внутренне содрогнулась, похолодела. Отхлебнула чай и постаралась изобразить удивление.

– Обалдела что ли? Или выпила с утра лишнего? Ты о чем спрашиваешь, детка?

– Мам Галь, перестань, – Вера не сводила с нее глаз. – Ты же всегда рядом с нами была.

– Да как ты можешь о таком спрашивать? – возмущенно перебила свою любимицу Галина. – Или мать свою не знаешь? Или отца позабыла? О каких еще родителях ты хочешь узнать?

– Послушай, мам Галь...

– Нет, это ты послушай! Боже, до чего я дожила! – Крестная вскочила и нервно смяла салфетку. – Я просто вне себя! Сейчас взорвусь! Что ты выдумала! Не стыдно тебе?

– Мне стыдно? Это мне-то стыдно? Отчего же? Ведь это не я обманывала своих детей столько лет! И ты, оказывается, заодно со всеми! Не притворяйся, прекрасно понимаешь, о чем я спрашиваю!

– Замолчи, – Галина Николаевна сжала виски ладонями. – Сейчас же замолчи! Не то моя голова лопнет от крика... – она распахнула окно, вдохнула еще не нагретый воздух и покачала головой. – Вот и сон в руку. Бред снился, глупость льется.

– Глупость? – Веру колотило так, что зубы стучали. – Глупость, значит? А это что? – Она выхватила из сумки документ и швырнула Галине в лицо. – Тоже бред?

Женщина, тяжело вздохнув, достала очки и медленно раскрыла сложенный пополам листок... Свидетельство об усыновлении. Галина растерялась. Она ненавидела ложь, но в этом случае и правда не годилась. Соврать было нельзя, истина оказалась невозможной.

Галина Николаевна прикрыла глаза. Конечно, она помнила все до мелочей. Не забыла и слова Никиты Сергеевича, произнесенные в тот самый день: «Это наши дети. Только наши.

Вычеркните все, что было до сих пор. Наша жизнь начинается только здесь. Сейчас. Вместе с ними. Навсегда».

Соне тогда исполнилось три года, а Вере – три месяца. Через неделю детей крестили: Соню – Агата, теперь живущая в Киеве, а Веру – Галина.

С тех пор прошло много лет. Растаяли в бесконечности десятки зим и весен. Утекло немало воды. Они повзрослели, потом постарели, стали мудрее, но слово, данное когда-то покойному профессору, всегда держали. Да что там держали – просто обо всем забыли, как он и просил, раз и навсегда.

– Вера, я не знаю, откуда у тебя эта бумажка, но...

– Бумажка? – взорвалась Вера, позабыв о приличии. – Это не просто бумажка! Это документ! Посмотри, мам Галь, почитай!

Галина Николаевна изо всех сил пыталась держать себя в руках.

– Верочка, остынь. Не делай глупости. Где ты это взяла, детка? – Крестная ласково тронула ее за руку. – Понимаешь, милая, жизнь – сложная штука. Непредсказуемая. Порой непонятная, необъяснимая. Детка, ты просто попытайся, не нервничая, осознать, что есть на свете вещи, которые не надо трогать. Просто не нужно, и все. Забудь. Отпусти и забудь, будто и не было вовсе ничего. Ни этой бумажки, ни того, что в ней написано, ни твоих мыслей отчаянных...

Крестница вскочила, схватила сумку, вырвала из рук Галины документ.

– Как ты можешь? Я же тебе, мам Галь, верила, надеялась, что только ты сумеешь мне все объяснить, что не совершь никогда, а ты... Как же так, мам Галь?

Девушка кинулась к выходу, цепляясь ногами за стулья и углы, а Галина, оцепенев, сидела на кухне, чувствуя, как отчаянно колотится сердце и дрожат похолодевшие руки.

Глава 6

Софья, закончив прием в поликлинике, облегченно выдохнула и кивнула медсестре, сидящей напротив.

– Ой, Зоя Васильевна, что-то сегодня так много народу. Зима давно закончилась, да и весна уже на исходе, а народ все болеет и болеет.

Пожилая медсестра Зоя Васильевна поправила волосы под беленьким колпачком на голове и устало усмехнулась.

– Не зима – это точно. Да ведь люди болеют не по заказу и не в соответствии со временем года, а когда придется.

– Да уж, – кивнула Соня. – Но ведь есть же сезонные обострения, да? А тут в конце мая очередь без конца и края. – Она встала, выпрямила спину. – Ну, что ж... Хоть прием и закончен, но работа моя продолжается. Как сказал классик, «и вечный бой, покой нам только снится...»

– А вы, Софья Никитична, дежурите сегодня?

– Угу, – развела руками Софья. – У меня сегодня полный список: и ночное дежурство, и любимый участок. Пойду сейчас по вызовам, а район мой, сами знаете, немаленький.

Соня, оставшаяся без мужа и отца, давно считала себя главой семьи и понимала, что только от ее заработка зависит их с Катюшкой благосостояние. Поэтому, взвесив все «за» и «против», кроме ставки в поликлинике, где она значилась участковым терапевтом, давно подрабатывала в ночную смену в терапевтическом отделении городской больницы.

Прощавшись с медсестрой, Софья вышла в коридор, достала телефон и набрала Катин номер.

– Катюш, ты где? Что там с музыкой, когда экзамен?

– Мамуль, привет, – затараторила дочка. – Все хорошо, я в музыкалке. Концерт в субботу, скажи бабушке, что я ее жду, она обещала.

– Так позвони ей сама, напомни, бабушке будет приятно.

– Ладно, ладно, – дочь заспешила, – все, пока. Некогда мне, девчонки ждут.

– Скажите, пожалуйста, некогда ей, – Соня усмехнулась. – Ничего себе...

Коллеги-мужчины ценили Софью Никитичну за профессионализм, дотошность и неравнодушие к больным, но не пытались ухаживать в силу разных причин, а ее это вполне устраивало. Стройная, светловолосая, улыбчивая и доброжелательная, Соня нравилась и пациентам. Они шли к ней на прием без страха, прислушивались к советам и старались добросовестно выполнять назначения.

На этом участке Софья работала уже несколько лет, поэтому прекрасно знала и помнила многих жителей. Чего она только не повидала здесь: и тяжелых больных, и капризных пациентов, и своенравных стариков, и агрессивных молодых парней, и привередливых бабуль...

Всякое случалось в ее врачебной практике, но Софья Никитична старалась с каждым найти общий язык: умела уговорить, настоять на своем, убедить, заставить, внушить, урезонить.

Сегодня, слава богу, тяжелых случаев не оказалось. Софья, за три часа обошедшая всех пациентов, успела еще забежать домой перед ночным дежурством. Разогревая обед, она возвращалась мысленно во вчерашний вечер и сегодняшнее утро. От находки Верочки в душе отчаянно щемило, слезы наворачивались без видимой причины, а в голове так и вовсе творилось невесть что – просто каша из странных и тяжелых мыслей.

Соня сердилась на младшую сестренку – и чего она забыла в этом столе! Вот теперь обрекла их двоих на душевные страдания, тягостные размышления и будоражащие душу предположения.

Суп закипел и вылился на плиту. Запахло гарью, от подгорающего на плите бульона тянулась тоненькая струйка бледного дыма. Соня, спохватившись, заметалась по кухне: распахнула окно, замахала полотенцем, сдвинула в сторону кастрюлю с супом.

– Фу, мама, – в распахнутую дверь заглянула недовольная дочь. – Что тут убежало?

– Ничего страшного. Суп закипел, а я задумалась, вот и пропустила.

– Интересно, о чем это ты размечталась?

– Ни о чем таком, что могло бы тебя заинтересовать.

– Мам, у тебя ничего не случилось? Ты какая-то странная сегодня.

– Странная? – усмехнулась Софья. – И в чем же моя странность выражается?

– Ну, не знаю, – дочь пожала плечами. – Бледная, задумчивая, рассеянная...

– Ах, ты моя дорогая, – Софья обняла дочь. – Не волнуйся. Все у нас с тобой хорошо.

– Точно?

– Точно, точно, – мать достала тарелки и указала на стол. – Садись, будем обедать. А то у меня сегодня дежурство, а ты ночуешь у бабушки.

– Помню, – Катя радостно улыбнулась. – Я даже соскучилась по бабуле, хотя всего три дня ее не видела. Она у нас классная, правда, мам?

– Угу, – рассеянно согласилась Софья, – очень классная.

Софья поспешно выбежала из подъезда, глянула на часы и поморщилась. Она не любила опаздывать, но сегодня день неудачно складывался: то суп «убежал», то вдруг телефон перестал работать, то Катя долго собиралась. Женщина нервничала, переживая за всех подряд: и за себя, и за Веру, и за весь мир.

Машину решила не брать, бегом, спотыкаясь, добежала до трамвая. В трамвае, запыхавшись, упала на свободное кресло. В который раз подумала: «И зачем Верочка нашла эти страшные документы, зачем разрушила нашу семейную идиллию?..»

Терапевтическое отделение, где работала Софья, считалось одним из лучших в городской больнице. Еще бы... Ведь им заведовала Зинаида Ивановна, прекрасный врач и высокий профессионал, та самая Зиночка, лучшая Сонина подруга со школьных времен. Зина стала крестной матерью Катюши и отдавала девочке всю свою нерастраченную любовь.

Сегодня Зинаида Ивановна ждала приезда подруги с особым нетерпением. Она ничего не смогла понять из того, что Софья протараторила ей по телефону утром. Поэтому хотела высказать ей все, что думает по этому невероятному поводу.

Не успела Софья переодеться в ординаторской, как на пороге показалась заведующая отделением.

– Добрый вечер, подруга.

– Привет, Зиночка!

Зинаида внимательно осмотрела Софью, заметила бледность и синяки под глазами.

– Ты не заболела случайно?

– Нет, – Софья невесело улыбнулась. – Просто много сразу навалилось.

– Понятно. – Зинаида Ивановна кивнула на дверь. – Пойдем ко мне в кабинет. Поговорить надо.

– Ну, что ж, – Соня чуть помедлила, – пойдем, поговорим.

Они присели на диван в уютном небольшом кабинете. Зинаида собиралась с мыслями, а Соня безразлично смотрела в сторону, ожидая вопросов. Наконец, вздохнув, Зинаида Ивановна провел рукой по волосам, уложенным в гладкий тугий узел на затылке, и повернулась к подруге.

– Сонь, я даже не знаю, что сказать и как начать этот дурацкий разговор. Но все-таки я должна знать все, что тебя касается. Что у вас дома произошло?

– У нас? – Соня удивленно нахмурилась, а потом, опомнившись, утомленно отмахнулась. – У нас сплошной кошмар. У нас, Зиночка, все рушится со скоростью света.

– Ну-ну, не нужно сгущать краски. Чего нос повесила? Расскажи подробно.

Соня откинула свои роскошные пшеничные волосы с высокого лба.

– Ой, Зинуля, голова кругом идет. Честное слово, дурдом! Вера как с ума сошла: то плачет, то ругается. Грозится весь мир перевернуть, но дойти до самой сути...

– До сути? – усмехнулась Зинаида. – Прямо по Пастернаку живете. И правда весело у вас. – А в чем суть-то? Чего ищет, чего хочет?

– Как чего? – Софья распрямилась, как пружина, и раздраженно взмахнула ресницами. – Это ж и так понятно!

– Да подожди ты, не торопись, – Зина покрутила головой, пытаясь сосредоточиться. – Тебе, может, и понятно, а мне так совсем ничего не ясно. Что она там нашла? Свидетельство о рождении?

– Зина, ты что? – Софья сердито прищурилась. – Я ж тебе все объяснила по телефону. Не свидетельство о рождении, а свидетельство об усыновлении. Это, как ты понимаешь, вещи разные.

– Да уж... – Зинаида изумленно покачала головой, – история. Прямо как в кино. Повесть не могу, что вы с Веруней – приемные дети. Вас же так любили, так баловали, все позволяли, подарками заваливали... – Она обняла Софью за плечи. – Ну, ты держись. Слышишь? Если что, зови на помощь.

– Ладно, – Соня устало улыбнулась и взглянула на часы. – А ты чего домой не идешь? Давно пора.

– Да пойду сейчас, пойду. Просто хотела тебя дождаться, а то в голову дурные мысли лезут.

Софья встала, пошла к дверям, у выхода обернулась.

– Иди, Зинуля, отдыхай. Я после дежурства тебе позвоню.

– Звони. И приезжайте с Катюшкой вечером в воскресенье. Посидим, поедем чего-нибудь, чайку попьем, а?

– Обязательно, – кивнула Соня и отправилась в ординаторскую.

День медленно догорал. Уходил в небытие. А где-то там, за горизонтом, рождался новый день. Вечное движение. Круговорот. Повторение, возрождение и возобновление... Жизнь.

Зинаида на свою жизнь не жаловалась. Она вообще никогда ни на что не жаловалась – считала это делом бесполезным и совершенно не нужным. Хотя поводов для недовольства, наверное, накопилось немало.

Она родилась, когда родители уже расстались. Так уж случилось, что мама с папой, прожившие в законном браке только шесть месяцев, внезапно решили разбежаться, несмотря на то, что вот-вот должна была появиться на свет их дочь. Ничто не смогло остановить молодых людей, вдруг ощутивших, что проживать на одной территории они дальше не смогут.

Так и росла Зина в женском царстве: ее растили мама, бабушка и тетя. Зиначку, названную в честь бабушки, тоже, кстати, Зинаиды Ивановны, баловали как могли. Бабуля на нее надыхаться не могла, вязала крючком ночи напролет, одевая свою дорогую внучку в кружевные кофточки, юбочки, шапочки и носочки. Тетя, музыкант, учила музыке, купила девочке скрипку, и сама же привела ее, чуть подросшую, в музыкальную школу.

Смешливая, любознательная и добрая Зиначка с удовольствием отправилась в первый класс, где познакомилась со светловолосой голубоглазой Соней, ставшей не только ее одноклассницей, но и верной подругой по жизни. Они сидели за одной партой, читали одни и те же книги, учили уроки то у Сони дома, то у Зины, ездили с родителями Сони на юг. Так сроднились, что стали считать друг друга чуть ли не сестрами. Их дружба прошла немало испытаний, проверок, искушений.

И вот теперь они, терапевты, работали вместе. Зинаида стала заведующей отделением, а Соня – участковым доктором. И как бы жизнь ни менялась, предлагая им разные испытания, одно оставалось неизменным – их давняя крепкая дружба.

Личная жизнь Зинаиды складывалась по-разному. Мужчины ее любили, а она любила только однажды, поэтому никто из них не стал ее судьбой. Как-то не сложилось, не склеилось, не образовалось. Только одна история, тянувшаяся уже почти пять лет, порой приводила Зину к мысли о семье, но она не торопилась, считая, что в тридцать три для нее еще все дороги открыты, ничто не потеряно и не утрачено. Да и горевать не в ее характере: она расставалась с мужчинами легко и без сожаления.

Пять лет назад ей встретился мужчина, показавшийся привередливой Зине тем долгожданным принцем, которого нельзя упустить. Но жизнь сама расставляет точки и ударения, сама учит и наказывает, сама дарит и отнимает...

Мужчина, поначалу так поразивший воображение Зинаиды, не вдруг оценил ее любовь, и она, чуть поостыв, теперь довольствовалась редкими встречами. Он, правда, со временем, наоборот, так привязался к Зине, что чуть ли не каждый день звал замуж, но она, вкусив свободной жизни, не торопилась ответить согласием. Не отказываясь, обещала подумать.

Зина жила с мамой, которая часто болела и нуждалась в заботе и хорошем уходе. Поэтому в последний год Зиночка старалась не оставаться в отделении допоздна, опасалась за маму. Вот и сегодня, дождавшись Соню и поговорив с ней, она заторопилась домой, вспоминая по дороге самые быстрые рецепты приготовления ужина.

Глава 7

Отец Степан неспешно прошел по храму и, остановившись у иконы Спасителя, медленно перекрестился. Конец мая выдался чрезвычайно теплым, радостным и легким. Храм Успения Пресвятой Богородицы, наконец, обрел свою истинную первоначальную красоту: ремонт старых стен завершился, и даже привередливые реставраторы уже заканчивали работу над обновлением древних икон и восстановлением чудом сохранившихся фресок прошлых веков.

Отец Степан довольно улыбнулся. А ведь не верилось, что все пройдет так благополучно: и деньги на восстановление храма найдутся, и помощники сами приедут, и жители станут добровольно помогать. Он окинул взглядом восстановленный иконостас. Сердце радостно затрепетало: благодать Божия, витающая в храме, омывала душу умилением и тихим, почти детским, восторгом. Он подошел к алтарю, поднял голову к надвратной иконе, опустил на колени и замер.

Степан родился в семье московских художников тридцать девять лет назад. Мама служила в музыкальном театре художником-сценографом. Отец писал картины в своей мастерской, выставлял их на вернисажах и вел курс в Строгановке. Креативная и созидательная атмосфера в семье привлекала в их гостеприимный дом весь творческий бомонд столицы.

Мальчик, растущий в такой атмосфере, не мог остаться равнодушным к искусству. Но выбрал он, когда пришло время, философский факультет. Отец настаивал на обучении в Строгановке, но сын твердо отказался, ведь больше всего его тянуло к тайнам и загадкам философии. Вообще его влекло все, что касалось бытия, времени, сознания и мышления.

Все вроде бы складывалось замечательно: и поступил, и учился, и развивался. Но жизнь – коварная штука. Неуступчивая, непредсказуемая. У нее свои законы, планы и каноны. Она то и дело нас испытывает. Испытания эти не всегда приятны. Чаще наполнены слезами, болью, горечью и отчаянием.

Нас испытывают любовью, обманом, предательством, ложью. Все это усложняет наше существование, но иногда, как ни странно, позволяет выжить, выстоять, уцелеть, в итоге стать сильнее. Ведь испытания одних закаляют, других искушают, а третьих ломают. И это понятно: мы все разные, непохожие, и наши души, и наши сердца по-разному реагируют на боль, уныние, злобу и подлость.

Степану предстоял долгий путь к истине. И путь этот не был усыпан розами. На третьем курсе в случайной драке убили его лучшего друга. Дмитрия. Спокойного, тихого, очень доброго и одаренного юношу.

Ребята засиделись в библиотеке допоздна, и уже собирались уезжать, как Степе позволила мама и попросила забрать ее из театра, потому что у нее машина не заводилась.

– Степка, не заморачивайся, – улыбнулся Дмитрий. – Поезжай за мамой, а я на метро до общаги доеду. Завтра увидимся. Пока. Созвонимся.

До общежития друг не доехал. В ста метрах от подъезда его остановили подростки, одурманенные алкоголем и наркотиками. Дмитрия били долго и жестоко, всего изрезали ножом и бросили прямо на дороге.

Степан, впервые столкнувшийся с подобной жестокостью, испытал такой шок, что недели три вообще не выходил из дома. Просто лежал на диване, отвернувшись лицом к стене. Ни с кем не разговаривал. Почти не ел. Рыдал. Скрипел зубами. Стонал от злобы, горечи и бессилия. Родители, перепуганные насмерть, не знали, как привести сына в чувство.

Мать сходила с ума от тревоги, советовалась с докторами, тихо плакала в ванной от страха за сына. Отец, устав переживать, стал ночевать в мастерской. Бабушка ходила неслышно, шептала молитвы, задумчиво глядела в окно, покачивая седой головой. А однажды присела рядом с внуком на краешек дивана, осторожно тронула его за плечо.

– Степушка, детка, ну что ж ты? Надо жить, внучок, дальше. Не хочется, а надо. Ты, Степушка, не кручинься. Слезам горю не поможешь. Тоска, она, конечно, гложет сердце, но ты не поддавайся.

Степан поднял голову от подушки.

– Тяжело, бабушка. Ничего не хочется. Совсем ничего.

Старушка вздохнула и ласково улыбнулась.

– А ты в церковь сходи, свечку поставь за упокой Димкиной души, помолись перед святой иконой. Тебе и полегчает. Память душу согревает, а молитва отчаяние отводит. Сходи, милый. Просто постой в храме, помолчи, поплачь, и сразу почувствуешь, что и слова нужные находятся, и сердце оживает...

Степан ничего не ответил, только обернулся к иконе, висящей на стене, и внимательно посмотрел в мудрые печальные глаза Богородицы. А наутро встал и пошел в ближайший храм.

С того дня жизнь его переменилась. Молодой человек повзрослел, возмужал, и, хотя в глазах затаилась глубокая печаль, стал спокойнее, рассудительнее и выдержаннее. Родители радовались, что сын потихоньку оттаивает, втягивается в привычный ритм, погружается в учебу, и почему-то не замечали нового увлечения. Или не хотели замечать до поры до времени.

А Степа, получив, наконец, диплом философского факультета, напрямик отправился в духовную семинарию, чем не просто изумил родственников, но и напугал их. Мать, прорывав сутки, категорически восстала против странного выбора сына, кричала, топала ногами, падала в обморок. Отец молча сжал кулаки и так хлопнул дверью, что штукатурка посыпалась на пол и жалобно зазвенели бокалы в буфете.

И только бабушка, встав перед иконой на колени, тихо прошептала, покачивая седой головой:

– Чудны дела твои, Господи.

Не зря говорят, испытания даются по силам. Вот так и несчастье, посланное молодому человеку, изменило его путь, а, быть может, попросту вернуло на предначертанную дорогу. Теперь отец Степан стал настоятелем большого храма в селе Никольском в Белгородской области, возрождал его к жизни. Отдаленность от столицы его не пугала, он ни о чем не сожалел, ни о ком не скупал и никому ничем не был обязан. Свое тридцатидевятилетие встретил спокойно. Депрессия, меланхолия и уныние его давно покинули.

Став священником, он зажигал в сердцах людей веру и милосердие, вместе с прихожанами делал множество добрых дел: раздавал деньги нуждающимся, собирал продукты для бедных, поддерживал скорбящих. Духовное руководство верующими доставляло ему так много чистой радости, что он не жалел ни сил, ни средств для этого.

Храм стал центром всей его жизни. Дела храма стали его делами. Проблемы прихожан стали его проблемами.

Счастлив тот, кто может подарить счастье другим. Степан был счастлив своими делами, своей верой и бесконечными заботами. И ничего иного не желал. И не боялся новых испытаний, потому что знал: они только укрепляют веру и душу, наполняют жизнь новым смыслом, озаряют иным светом и порой дарят много неизведанного доселе счастья.

Глава 8

Целую неделю Вера места себе не находила. Никак не могла успокоить обиженное сердце. Прокручивала в голове варианты дальнейших действий. И, как назло, ничего толкового придумать не могла. И тогда отправилась к Софье.

Накупив разных вкусностей для Катюшки, она появилась в квартире сестры без всяких предупреждений. Соня, открыв дверь, радостно улыбнулась.

– Ой, Верка, ты как ураган! И опять без звонка. Хотя бы предупредила, я бы торт испекла, чтобы тебя побаловать, ты же любишь сладенькое.

– Перестань, ничего не нужно. Вон, возьми пакет, там вкусности для Катюши. Да и нам хватит. Ставь чайник.

Сестры, обнявшись, прошли в комнату. Они все понимали и друг про друга, и про эту жизнь, и про своих родителей.

– Сонь, ну? Вот что ты молчишь? – не выдержала Верочка, привыкшая идти напролом.

– А что ты хочешь от меня услышать? – старшая сестра тяжело вздохнула.

– Как что? – Вера, подскочив, даже хлопнула ладонью по столу. – Как это что? Я тут с ума схожу, а ты все улыбаешься.

– Вер, перестань, не нагнетай. Я и так целую неделю как в дурдоме. Даже работать не могу, все думаю о твоём «открытии». А что прикажешь делать? Все бросить? Сидеть и рыдать? Зачем? Для чего?

– Вот какая ты, Сонь, правильная, даже противно! – Вера возмущенно передернула плечами. – Но ведь мы не можем обманывать друг друга и делать вид, что все в порядке, правда? – она тронула за руку сестру. – Ну, проснись же ты! Давай, давай что-то делать!

– Ну, что? Что делать-то? – Соня пожала плечами. – Не понимаю. Почему просто не жить, как раньше?

– Да как это возможно? Как раньше?! А куда деть это знание об усыновлении?

– Во-первых, не кричи, Катюшу напугаешь. А во-вторых, ну, хорошо. Давай что-то делать. Что? Командуй, если такая умная! Кофе будешь?

– Буду, – сердито буркнула Вера. – Прямо тупик какой-то!

– Ты должна понять... – Соня вздохнула. – Люди склонны обманываться и преувеличивать. Мы сами образуем тупики, открываем дороги, сооружаем плотины и создаем кумиров. Придумываем себе проблемы и потом ищем пути их преодоления. Боремся с ветряными мельницами, скверными характерами и дурными поступками. Валим на другого, проклиная завистников, подозреваем соседей, но, как показывает жизнь, это напрасно! Все зависит от нас. И нашу с тобой проблему только мы можем разрешить. Но, честно говоря, выхода я пока не вижу. – Она поставила перед сестрой чашечку дымящегося кофе, вдохнула крепкий аромат свежесваренного напитка и улыбнулась. – Если что-то дельное можешь предложить, предлагай.

Они долго молчали, погружившись в глубокие раздумья. Соня нарушила молчание первой.

– А ты с Галиной разговаривала?

– Конечно, – кивнула Вера. – Я ж тебе по телефону еще позавчера сказала. Бесполезно.

– Молчит?

– Угу. Как рыба. Еще бы, ведь она так преданна многолетней дружбе с мамой и отцом. Ничего не расскажет без маминого согласия.

– Понятно, – Соня усмехнулась. – Лучшая подруга, что тут скажешь? Ее и винить-то нельзя, они вместе с мамой целую жизнь.

– Слушай, Соня, а почему нам просто не спросить у мамы? Почему ты не разрешаешь? Это же самое простое решение – подойти и спросить.

– Нет, – твердо произнесла Софья. – Мы не будем у нее ничего спрашивать, выпытывать, выведывать, выяснять. Не будем, слышала? Во всяком случае, не сейчас.

– Почему? – Вера явно сердилась.

– Да потому что у нее слабое сердце. Потому что если бы она хотела, давно бы уже сама нам все рассказала. А раз молчит, значит, не хочет огласки.

– А может, просто трусит признаться?

– Прекрати, – Софья гневно повысила голос. – Это наша мать! И давай не будем об этом забывать. И причем здесь трусость? А если это просто любовь? Боязнь нас потерять? Беззащитность? Почему ты сразу думаешь о плохом?

Вера побарабанила пальцами по столу. Перемешала ложкой кофейную гущу в крошечной чашке. Софья, подперев ладошкой щеку, невесело глядела на нее.

– Слушай, – вдруг спохватилась Соня, – а может, Агате позвонить?

– Точно, – Вера обрадованно хлопнула себя по лбу. – Как же я про Агату забыла! Вот балда! Давай, звони скорее!

– Только условие. Говорить буду я, а ты станешь сидеть тихо, как мышка. И не будешь дергать меня, жестикулировать и сигнализировать, поняла?

– Да поняла я все, – Вера недовольно сморщилась. – Хватит учить. Звони уже.

Соня Агату очень любила. И теперь, решившись позвонить ей, своей крестной маме, очень надеялась, что та, несмотря на верность и преданность родителям, все же откроет правду своей любимой племяннице.

С необъяснимым трепетом Софья набрала номер крестной и долго прислушивалась к громким безразличным гудкам трубки. Потом услышала мягкий и родной голос...

– Да?

– Тетя Агата. Это я, Соня.

– Сонюшка, – голос женщины тут же наполнился теплой густой лаской, – детка моя дорогая! А я даже не посмотрела на номер! Надо же, не ожидала.

– Ой, я так давно тебя не видела! Как ты? – Соня внезапно всхлипнула.

Агата говорила с непередаваемым мягким украинским акцентом, произносила слова тягуче, распевно, невероятно вкусно, как говорят только на Украине.

– Ничего, потихоньку. Годы берут свое. Но я не сдаюсь, работаю.

– Тетя Агата, у меня к тебе дело. Очень серьезное.

– Да что ты, милая? – голос крестной озабоченно напрягся. – Случилось что? Надеюсь, с мамой все в порядке?

– Да, да, – заспешила племянница, – не волнуйся. С мамой все хорошо. Она работает. Мы ее развлекаем. Следим за здоровьем. Опекаем. Все нормально.

– Ну, слава богу, – голос снова наполнился спокойствием и опять поплыл, объятый любовью. – А что, детонька, случилось? Какое дело-то? Давай, выкладывай...

Соня почувствовала, как внутри, в области желудка, что-то сжалось от страха. Она сглотнула противный ком в горле.

– Тетя Агата, ты помнишь наше детство?

– Еще бы! Что за вопрос?

– И рождение наше помнишь?

– А как же... Вы с Верочкой такие смешные были. И невероятно красивые.

– Тетя, а родителей наших помнишь? – осторожно произнесла Соня.

Повисла пауза. Долгая. Глубокая. Тревожная.

– Родителей? – недоуменно переспросила Агата. – Сонечка, ты в порядке? Разве я могу забыть своего брата и его жену?

Вера, сидящая напротив, не выдержала и, позабыв предупреждение сестры, стала отчаянно жестикулировать. Чего она хотела, Соня не понимала, но душераздирающие гримасы сестры ужасно раздражали.

– Нет, тетя Агата, я не так выразилась, – отмахнувшись от беспорядочных жестов Веры, вкрадчиво продолжила Соня. – Глупо получилось, прости. Я вот что хотела спросить... – Соня замерла, подбирая слова. – Крестная, а ты знаешь, что нас усыновили?

В ответ раздались громкие гудки, разговор внезапно прервался. Соня удивленно оглядела трубку телефона, а потом пожала плечами.

– Она трубку бросила, что ли? – вскочила Вера.

– Не знаю, – старшая сестра расстроено опустила на стул. – Просто вдруг пошли гудки...

– Ну, все... – Вера схватилась за голову, – сейчас она маме позвонит!

– А что ты там показывала? Я же велела сидеть тихо и меня не дергать!

– Ой, прости, прости, не выдержала! – Вера вздохнула. – Ну, что будем делать? Надо перезвонить Агате, вдруг и впрямь связь прервалась на полуслове.

– Может не надо? – Софья сморщилась.

– Надо, сестренка, а то некрасиво получается. Вдруг она ждет.

– Ну, давай попробуем еще раз.

Но трубку никто не поднимал. Долгие телефонные гудки разбивались о тишину, повисшую в комнате.

– Очевидно, со связью все в порядке, – скептически ухмыльнулась Соня.

В эту минуту телефон зазвонил. Вера от неожиданности вздрогнула.

– Господи, с ума здесь сойдешь.

– Да? – Соня схватила трубку.

Звонила Агата. Она говорила медленно, словно с трудом подбирала слова. Голос ее дрожал и прерывался.

– Сонечка, прости, дорогая. От неожиданности трубку бросила, ведь я никогда об этом и не вспоминала. Нигде и ни с кем не обсуждала. Забыла навсегда. Дала когда-то брату слово и не возвращалась к этому. Но теперь Никиты нет, мы все не вечны на этой земле. Может, пришло время. Что ты хочешь знать?

– Крестная, дорогая, спасибо, – обрадовалась Соня. – Мы случайно обнаружили документы.

– Мама знает?

– Нет, мы ей не сказали, решили у тебя спросить. А потом с ней поговорим, ты ей не звони, пожалуйста.

– Я толком ничего и не знаю, честно говоря. Никита не хотел рассказывать, а я не пыталась. Он так счастлив был, и мне казалось неправильным огорчать его расспросами. Давно это было, детка. Поэтому я мало чем могу помочь. Помню только, что ваша настоящая мать была из какого-то села на Белгородщине.

Соня включила громкую связь для Верочки. Сердце так стучало, что она боялась не слышать слов крестной.

– Из какого села, крестная? – Прижав руку к сердцу, выдохнула в трубку Софья.

– Не могу вспомнить. На имя святого похоже название села. Подожди секунду. Сейчас, сейчас. По-моему, Никольское. Да, да, точно. Село Никольское. В Белгородской области. Ваша мать была оттуда. Больше ничего, к сожалению, мне не известно. Извини, детка.

Соня вдруг заплакала. Всклипывая, она повторяла, как заклинание:

– Крестная, спасибо тебе! Спасибо большое! Тетя Агата, я позвоню! Спасибо тебе!

Агата молчала. И прежде, чем положить трубку, попросила:

– Соня, послушай. Вы только не наделайте глупостей, девочки. Только не спешите. Не ошибитесь.

День уходил на покой. Вера стояла на балконе, глядя в звездное небо. Соня вышла, встала рядом, приобняла сестренку за плечи.

– Грустишь?

– Нет, – Вера улыбнулась, – думаю.

– О чем?

– О том, что каждому в жизни дается испытание. Но больше, чем человек может вынести, ему не посылается. Все по силам. Значит, и нам это испытание дается для чего-то. И оно нам по силам. Мы это преодолеем.

– Ах ты, мой боец, – Соня вздохнула. – Пойдем спать. Ты маме позвонила? Она знает, что ты у меня ночуешь?

– Ага. Знает.

– Ну и отлично. Все. Время спать. Утро вечера мудренее. Завтра будет новый день, новые мысли, новые встречи. Поживем, увидим.

Глава 9

Пасека расположилась далеко от села. Больше века назад она приютилась у старого урочища. Да так и осталась там. В том самом месте, где возле устья реки раньше стояли бараки лесорубов, а теперь виднелись только развалины, поросшие травой, сорняками, изъеденные плесенью и вечнозеленым мхом.

Двадцать километров, отделяющие старый хутор и пасеку от села Никольского, стали для многих жителей расстоянием непреодолимым в силу разных причин.

Передаваемая по наследству пасека сейчас принадлежала уже четвертому поколению семьи Семеновых. Огромный дом, построенный еще прапрадедом нынешних владельцев, до сих пор казался настоящей крепостью. Высокий крепкий забор по периметру двора защищал его и от ветра, и от вьюги, и от непрошеного гостя, и от недоброго глаза. Место это в селе недолюбливали, считали его странным, недобрым и жутковатым.

С пасекой и старым хутором вообще было связано много легенд, печальных историй и необъяснимых совпадений. В стародавние времена, еще до революции, возле хутора погиб урядник, а виновного так и не обнаружили, хотя сыщики и полицейские здесь дневали и ночевали. В гражданскую войну в урочище прятались белые офицеры. В отечественную партизаны на пасеку раненых привозили, и мать пасечника их выхаживала, какими-то травами отпаивала, медовыми настоями на ноги ставила.

История пасеки, овеванная тайнами, и привлекала, и отпугивала местных жителей. Сельчане малых детей по привычке пугали старым пасечником, а парням и девчонкам категорически запрещали приближаться к урочищу без особой надобности.

Но что бы ни говорили о пасеке и ее обитателях, мед здесь делали знатный – вся область за ним приезжала. Для покупателей пасечники открыли небольшой ларек на сельском рынке. Это очень понравилось местным жителям, которые не больно жаловали неприветливых обитателей далекого урочища.

В ларьке торговала младшая дочь старого пасечника – Маруся, стеснительная розовощекая девушка лет двадцати девяти. В торговле она знала толк и, несмотря на застенчивость, умела так расписать медовый товар, что редкий покупатель выходил из ларька без баночки сладкого лакомства. А уж выбрать здесь и вправду было из чего: и липовый, и майский, и гречишный, и цветочный, и донниковый, и акациевый. Белый, желтый, коричневый, зеленоватый, прозрачный. И в сотах, и жидкий...

В селе до сих пор толком и не знали, сколько народу живет теперь на вековом хуторе. Ходили слухи, что угрюмый хозяин-старик держит всех в строгости, вольностей не позволяет, развлечений тоже не одобряет, поэтому молодежь вообще там не задерживается и, подрастая, дети покидают дом своих предков при первой же возможности.

Рассказывали, что со стариком нынче живут две дочери, Маруся и Лида, сын Сергей с женой и двумя малолетними детьми, да еще какая-то женщина, которую никто никогда толком не видел. Болтали всякое: кто-то утверждал, что это убогая сестра старика, другие говорили, что это его сумасшедшая жена, третьи выдумывали еще что-то. Но все сходились на том, что женщина эта немая и появилась на пасеке давным-давно.

Маруся, торгующая в небольшом ларьке на сельском рынке, чаще других обитателей загородной пасечной семьи оказывалась в селе. Она не только продавала мед, но и выполняла мелкие поручения старика-пасечника: покупала продукты, бытовую химию, одежду и обувь.

А вот покупки посерьезнее делал сын старика Сергей, крепкий, широкоплечий неразговорчивый мужчина лет сорока. Он приезжал в село на синем пикапе, быстро обходил магазины и лавки, складывал в небольшой кузов мешки с комбикормом для свиней, зерно для кур и гусей, упаковки с мукой, сахаром-песком, большие пакеты с крупами. Отдельную сумку напол-

нял конфетами, пряниками и печеньем – этот обязательный ритуал его несказанно радовал. Он любил своих десятилетних близнецов, и подарки для них выбирал с особенным удовольствием.

Еще реже в селе показывалась старшая дочь хозяина хутора Лидия. В свои тридцать пять она выглядела невероятно молодо. Незамужняя бездетная Лида могла бы составить конкуренцию любой тридцатилетней сельчанке. Единственное что ее огорчало, – полнота. Лидия не казалась себе толстой, пышнотелость ее не портила, но она, глядя на себя в зеркало, все же недовольно хмурилась.

Отец, седой, костлявый, морщинистый старик, заметив ее любования собой, высказывался предельно ясно:

– Чего крутишься у зеркала? Стыдоба! Замуж давно пора, для кого себя бережешь? Сколько ж ты, дуреха, еще на моей шее сидеть будешь?

Лидия, вспыхнув, не сразу нашлась, что ответить. Вытерев злые слезы, она поспешно выскочила за дверь.

– Уйду от вас, надоели вы мне! Уеду в село жить, всю кровь мою ваша пасека выпила! Пропадите вы пропадом!

Старик, насупившись, молча поглядел ей вслед, но с места не сдвинулся. Не в его правилах было бегать за детьми, которых он всю жизнь держал в ежовых рукавицах. Выгоревшие от прожитых лет глаза его чуть слезились, но губы не дрогнули. Он переступил с ноги на ногу, ссутулился и, проглотив колючие слова, застрявшие в его глотке, сплюнул на пол.

Лидия вышла во двор, прошла мимо почерневших от времени амбаров, стоящих по периметру хутора, зашла в баню, пахнущую сосновой веткой, и кивнула женщине, стирающей вещи в большой жестяной ванне.

– Заканчиваешь?

Женщина подняла голову, низко повязанную платком, и молча кивнула. Лида наклонилась, взяла таз с уже выстиранным бельем, и, обернувшись к женщине, показала на дверь.

– Пойду, развешу. А ты скорее достырывай, а потом пойдем банки из погреба доставать. Надо вымыть все после зимы. Скоро ягоды пойдут, варенье будем варить.

Женщина поспешно кивнула и безмолвно продолжила работу.

В тишине было слышно жужжание залетевших пчел, привыкших здесь хозяйничать, позвякивание цепи, на которой сидела огромная лохматая собака, да плеск горячей воды, в которой быстро мелькали красные распаренные руки молчаливой работницы.

Лидия долго не могла успокоиться после стычки с отцом. Ей и вправду все давно уже надоело. Она, дожив до тридцати пяти лет, так и не встретила никого, кто бы тронул ее сердце: на пасеку приезжали люди редко, а в село она почти не ходила. Незачем, да и не к кому.

Раньше хоть в школу ездили, мать тогда еще жива была, жалела их с Маруськой. Часто смеялась, песни пела, шила хорошо. А потом слегла внезапно, сгорела за три месяца. Вот тогда и начались тяжкие времена для всех обитателей хутора.

Отец, и без того жесткий и несговорчивый, совсем перестал улыбаться, одичал как-то, нетерпимость и строгость не скрывал, людей сторонился и детей держал в кулаке.

Сыну Сергею, наследнику, доверял больше всех, прислушивался к его советам и замечаниям, но бразды правления не отдавал, считал, время еще не пришло. Сам управлялся и с финансами, и с пасекой, и с поставками меда. Был прижимист, деньгам придиричиво вел счет, требовал каждодневного доклада и от Сергея, и от Маруси. Жене сына, робкой и безответной Валентине, ошибок не спускал, грозно хмурился и хотел от нее, как и от своих дочерей, полного повиновения.

Лиду происходящее на хуторе уже давно бесило. Хотелось свободы, независимости, своей семьи, детей. Нормальные желания взрослой женщины будоражили ее, по ночам снились цветные сны, сердце колотилось в ожидании чего-то необычного. Но Лидия понимала,

что ничего этого в ее одинокой замкнутой жизни не будет, пока живет на пасеке. Знала, что надо бежать сломя голову из этого ада, но куда – не представляла.

Правда, в Никольском жила дальняя родственница матери, тетка Лена, но со дня маминей смерти Лида с ней не виделась, хотя знала: тетка жива-здоровая и ее помнит. В селе тетя Лена слыла личностью известной, ее уважали и любили. Она звалась Еленой Сергеевной и работала в школе учителем начальных классов.

В последнее время Лидия серьезно задумывалась попросить у Елены Сергеевны помощи, но боялась, что отец ее лишит ее всякой поддержки. Она представить не могла, как жить без денег и где их заработать. Ведь сколько себя помнила, всегда работала на хуторе. Помогала на пасеке, ухаживала за огородом, боролась с сорняками, сажала картошку, варила варенье и компоты. Штопала белье, замачивала дубовые бочки, драила окна.

Отец строго следил, чтобы дети не сидели сложа руки, сам выбирал наказание за провинности. Конечно, они тоже иногда вырывались на свободу: то уходили в лес, то убегали в село, то уезжали с друзьями на велосипедах...

Отец таких вылазок не одобрял, наказывал показательно: мог маленького Сережу заставить прополоть весь огород, Марусю лишал еды на два дня, Лиду ставил в угол на весь день...

Но все же Сергей любил старый хутор, жизни не представлял без древних потемневших стен, возведенных еще их прапрадедом. Маруся тоже особо не тяготилась своей долей. Может, потому что почти каждый день бывала среди людей, общалась с друзьями, ходила по магазинам в Никольском.

А вот Лида постепенно дошла до того, что стала задыхаться за высоким забором своего родового гнезда. Она знала, что всему свое время, и уже сейчас понимала, что ее время, наконец, пришло.

Глава 10

Она жила как тень. Как сорная трава, как ствол дерева, потерявший по осени последние листья. Как иссохшая земля без воды, как рыба, выброшенная на берег. Она и не жила вовсе, просто существовала, тихо умирая. Ее душа, утонувшая в унынии и отчаянии, давно перестала чувствовать, горевать, радоваться. Она забыла вкус смеха, перекаты собственной речи, влагу обильных слез. Ничто не трогало сердце, поросшее мхом бесконечной печали, жестокой тоски и постоянно грызущего неизбывного горя.

И это существование, лишённое смысла и давно ставшее привычным, нисколько не обременяло ее. Она просто рано вставала и поздно ложилась, тяжело работала и ела, не различая запахов и температуры. Тяжелая апатия стала постоянной ее спутницей.

Прошлое казалось теперь нереальным, чудовищным и совершенно невозможным. И все бы ничего, ко всему можно привыкнуть. Но самым большим ее наказанием стала неумирающая память. Живучая как кошка, жгучая и нестерпимая. Она хлестала по щекам наотмашь яркими картинками былого, била в самое сердце, будила по ночам и посылала такие осязаемые сновидения, что она, уткнувшись в подушку, выла по-волчьи, разрывая в клочья старую наволочку.

Она вовсе и не жила все эти годы. Нет, не жила. Доживала.

Глава 11

Соня, только что добравшись до больницы, стремительно шла к лифту, когда ее телефон требовательно запел. Не успела она произнести привычное «да», как в трубке раздался встревоженный голос Зинаиды.

– Соня, ты уже в отделении?

Софья удивленно взглянула на наручные часы... Вроде не опоздала, что за допрос такой?

– Да, я здесь, – она поспешно кивнула. – Поднимаюсь. А чего ты меня проверять взялась, а? Ни тебе «добрый вечер», ни «привет, подруга».

– Сонька, не ерничай, я и так на нервах...

– Ну? – Соня внутренне подобралась, знала, что Зина просто так трезвонить не будет. – Ты заставляешь меня беспокоиться. Что случилось? Что-то серьезное? Дома?

– Нет, нет, не пугайся. Поднимайся, и сразу ко мне в кабинет.

– Хорошо. Иду.

Разговор их, после короткого приветствия, был недолгим. Уставшая Зинаида торопилась ничего не позабыть.

– Сегодня после обеда в пятую палату из реанимации мужчину перевели. Состояние очень тяжелое, – Зинаида перевела дыхание, помолчала. – А было просто ужасное. Еле вытаскивали его. Ты ночью почаще заглядывай к нему. А я завтра приеду пораньше, назначения посмотрю, решим, как дальше его лечить...

– Зин, ты чего? Могла бы и не предупреждать. Я все делаю, как положено. И сама бы разобралась.

– Ладно, ладно, – Зина улыбнулась, – не горячись. Знаю, лучше тебя доктора нет. Но мы тут весь день как на иголках, трудный случай. Так что гляди в оба! Ладно. Я ушла.

– Пока-пока, – кивнула Соня и заспешила в ординаторскую.

Позже, просмотрев все истории новых больных, ознакомившись с назначениями и поговорив с дежурной медсестрой, она неторопливо вошла в двухместную палату номер пять. Одна кровать, стоящая прямо возле окна, оказалась свободной. Аккуратно заправленная простыня сверкала белизной в свете ночного фонаря и удивляла безупречностью наглаженных линий.

На второй кровати, располагающейся ближе к входной двери, лежал мужчина с закрытыми глазами. Услышав скрип отворяемой двери, он медленно приоткрыл глаза и в полутьме внимательно посмотрел на вошедшую докторшу.

Софья осторожно подошла ближе, наклонилась к больному.

– Не спите? – негромко спросила она.

– Нет. Не спится, – мужчина облизал пересохшие губы.

– Меня зовут Софья Никитична, – она взяла стул и, придвинув его к кровати, присела на краешек. – Я сегодня дежурю в отделении. Как вы? – Соня наклонилась ниже. – Болит что-то? Может, обезболивающее вколоть?

Пациент вздохнул и улыбнулся кончиками бледных губ.

– Нет, – прошептал он. – Мне делали вечером укол. Пока не болит.

– Ну, и хорошо.

Она дотронулась до его лба, потом, взяв за запястье, посчитала пульс, и, удовлетворенно кивнув, легко приподнялась, собираясь выйти из палаты. Постояла задумчиво, обернулась к больному и тепло улыбнулась.

– А хотите, я посижу я вами?

Мужчина перевел на нее удивленный взгляд.

– Ну, посидите, если есть время. А если заняты, идите, занимайтесь своими делами. Я в порядке.

Соня, привыкнув к полумраку, присмотрелась к больному. Черные, как смоль, волосы, глубокие серые глаза, виски, тронутые сединой. Нос прямой, волевой подбородок, высокий лоб, щеки, чуть заросшие щетиной.

«Какой красивый мужчина», – пронеслось в голове. И словно испугавшись, что кто-то услышит эти мысли, Соня поспешно заговорила, стараясь перебороть странное смущение...

– Вас зовут...

– Марк.

– Марк... Какое редкое и красивое имя. Вам очень подходит.

– Во мне намешано столько кровей, все не перечислишь. Вот родители и старались, выбрали имя, которое будет звучать или хотя бы нормально произноситься на всех языках.

– А отчество?

– Марк Алексеевич. Можно просто Марк. Еще не хватало, чтобы доктора называли меня по отчеству. Пожалуйста, Софья Никитична, просто Марк.

– Хорошо, – Соня встала, подошла к окну, открыла створку. – На улице тепло, воздух пахнет сиренью, черемухой и еще чем-то сладким и дурманящим. Май в этом году необыкновенный.

Марк, поморщившись, чуть сдвинулся на кровати.

– Конец мая, а словно лето на дворе. Так хочется выйти на улицу, вздохнуть полной грудью... Как же некстати эта дурацкая болезнь! И откуда она только взялась?

Софья подошла к нему поближе, прислонилась спиной к прохладной больничной стене.

– Ничего, ничего. Все пройдет. Вы поправитесь. Вот из реанимации вас уже перевели, теперь пойдете на поправку. Через месяц встанете на ноги и забудете, как дурной сон, эту печальную историю.

– Целый месяц, – Марк нахмурился. – Не могу я здесь столько валяться!

В палату заглянула дежурная медсестра.

– Софья Никитична, во второй палате у Кувшинова опять температура поднялась. Посмотрите?

– Да, конечно, иду, – она ободряюще улыбнулась мужчине. – Поспите. Вам надо сил набираться. Я еще загляну к вам попозже.

Ночная тишина плыла по спящему городу, заполняя дома, улицы и перекрестки. Кружила над детскими кроватками, залетала в распахнутые окна, обнимала запоздалых прохожих. Ночь царствовала, баюкала, укачивала и усыпляла...

Ночь – время отдыха, звезд и любви, пора глупых мыслей и сладких грез. Но порой именно она дает возможность поразмышлять о дне наступающем, о грядущих проблемах, подсказывает пути их решения. Ночь помогает набраться сил, отделить главное от второстепенного и встретить новый день во всеоружии. Но иногда толкает на безумства, заставляет сожалеть о случившемся, подвергает сомнениям, разрушает созданное и опровергает истины. Ночь – удивительное время суток. Дарующее, отнимающее и поглощающее...

Софья любила ночные дежурства. Казалось, ночью жизнь не просто замирает, а само время будто замедляется, растягивается. Ей, спокойной и неторопливой по натуре, днем не хватало размеренности, плавности, упорядоченности.

Дневные суэта и сутолока порой раздражали, нервировали. А ночные дежурства помогали собраться, сосредоточиться на главном, разложить все по полочкам. Конечно, в отделении случались и кошмарные смены, когда врачи и медсестры за ночь не отдыхали ни минуты, спасая пациентов. Но даже в такие тяжелые дежурства Софья ни разу не пожалела о своем выборе.

Под утро она снова вошла в пятую палату. Постояла возле кровати, прислушалась к дыханию больного. И отчего-то вдруг улыбнулась.

Так уж случилось, что следующие три дня Софья дежурила, заменяя ушедших в отпуск врачей. Зинаиде это не нравилось, она тревожилась за подругу.

- Не жалеешь себя, – недовольно ворчала Зина. – Посмотри, какие синяки под глазами.
- Отстань, – отмахивалась Софья, – иди, отдыхай. На себя посмотри.

На четвертый день, завершая вечерний обход, Софья отметила, что пациент из пятой палаты выглядит лучше. Она проверила назначения, измерила ему давление, поспрашивала о состоянии.

– Вот видите, – улыбнулась Соня, – вам уже легче. Кризис миновал. Организм потихоньку восстанавливается. Но нужно время. И терпение. Все будет хорошо.

Она выключила свет в палате и, пожелав доброй ночи, уже взялась за дверную ручку.

– Подождите, – внезапно раздался хриплый голос больного.

– Да? – Софья вздрогнула от неожиданности.

Свет уличного фонаря тускло освещал небольшую комнату, но до лица больного не доставал, поэтому Софье пришлось напрячься, чтобы рассмотреть мужчину. Она шагнула к кровати и опять наклонилась к нему.

– Что такое? Болит что-то?

– Нет, нет, – он досадливо поморщился, – ничего не болит. Просто... – мужчина запнулся и замолчал.

Соня терпеливо ждала. Она давно привыкла к капризам больных, научилась без эмоций выслушивать их просьбы и спокойно реагировать на любые причуды и фантазии.

– Хочу вас, доктор, попросить, да вот не знаю, как вы отнесетесь к этому, – вдруг прошептал он.

– Так попросите, и узнаете, – пожала плечами Софья. – Ну, смелее.

Больной замялся, явно теряясь и не находя нужных слов. Почувствовав его растерянность, Софья присела на стул.

– Пожалуйста, не волнуйтесь. Что вы хотите? Слушаю. Не переживайте так. Я все пойму.

– Вряд ли, – выдохнул Марк. – Мне неловко. Понимаю, звучит глупо, абсурдно. Но выхода нет. Простите за дикость моей просьбы, но...

– Вы меня пугаете. Говорите уже.

– Да, звучит странно. Конечно. Но... Мне кажется, вы сможете понять.

Софья Никитична насторожилась. Она терялась в догадках, но все же решила помочь пациенту.

– Вы хотите встать? В туалет?

– Да нет же, – Марк насупился, потемнев лицом. – Для этого я бы медсестру позвал.

– Так что же? – Соня старалась подавить любопытство. – Хотите есть? Пить? Перевернуться на бок?

– Если бы, – Марк тяжело вздохнул и, собравшись с силами, произнес: – Вы не могли бы взять моего ребенка?

– Что? – Соня чуть не упала со стула. – Что вы сказали? Я, простите, не поняла...

В тусклом свете уличного фонаря все предметы приобретали уродливые очертания. Софья напрягла зрение, чтобы в полумраке рассмотреть выражение лица больного. Вдруг он бредит? Или поднялось давление. А что, если у него высокая температура... Она поежилась, силой воли останавливая сумасшедший бег всполошенных мыслей.

– Марк Алексеевич, с вами все в порядке? – испуганно прошептала Соня, вспомнив зачем-то отчество.

Он сморщился, как от сильной боли, одними губами произнес что-то невнятное, то ли выругался, то ли помолился, а потом повторил буднично, словно поздоровался:

– Вы не могли бы взять моего ребенка?

Соня зажмурилась, решив, что он все-таки бредит, тряхнула головой, собираясь с мыслями.

– Простите, пожалуйста, – вздохнул Марк. – Просто мне некого больше попросить. Совсем некого. А вы, я смотрю, человек, хороший.

– Что вы такое говорите? – внезапно взвилась она, как скрученная до отказа пружина, забыв и о врачебной этике, и о приличии. – Я даже не могу понять, о чем вы. Или это шутка? Вы хотите отдать своего ребенка мне? Первой встречной? Чужому человеку? – Софья подошла к распахнутому окну, отдышалась, вернулась к больному. – Вы меня разыгрываете? Да? Я не очень понимаю, как это? Вам не страшно? Вот так просто отдать ребенка, отказаться? Почему?

Марк, закашлявшись от изумления, схватился за бок и застонал.

– Вы с ума сошли, доктор? – он захохотал, морщась от боли. – Да как вам в голову такое пришло?

Соня, будто пойманная на месте преступления, покраснела до корней волос.

– А что? – недоуменно прошептала она.

– Ну, вы даете! Давайте прекратим этот разговор. Все, извините, – он приподнялся на подушке, прикусив от боли губы. – Вы решили, я отказываюсь от ребенка? Отказываюсь? Господи! Надо же до такого додуматься!

– Нет? Не отказываетесь? – растеряннo пролепетала Софья.

– Уходите. Я хочу спать. Идите, доктор, – Марк обиженно вздохнул, отвернулся к стене.

Но Софья, пережившая ужасный стресс, уперлась не на шутку.

– Ну, уж нет. Договаривайте. Если виновата – извинюсь. Но в моей практике еще не случалось, чтобы пациенты мне своих детей предлагали забрать. Что я, по-вашему, должна предполагать, услышав такое? – Она опять решительно подвинула стул к его кровати. – Так, давайте. Медленно и по порядку.

Марк, прищурившись, посмотрел на нее, и вдруг улыбнулся.

– Странная вы женщина, доктор, очень странная.

– Это мы в другой раз обсудим. А теперь рассказывайте. Простите мою несдержанность. Но меня тоже можно понять.

– Это точно, – он опять улыбнулся. – А обезболивающее вколете?

– Да, конечно, сейчас позову медсестру.

– Нет, позже, – Марк вздохнул, помолчал. – У меня дочь одна дома. Не одна, конечно, с няней. Но няня завтра улетает в отпуск. Билеты давно взяла. Я же не предполагал, что в больницу попаду.

– А жена?

– Нет жены, – он нахмурился. – Мы вдвоем. Дочь и я.

– А дочери сколько лет? – уточнила изумленная Соня.

– Четыре года.

Ошарашенная Соня даже не нашлась, что ответить. Молчала, лихорадочно соображая.

– Я, как только отсюда выйду, сразу ее заберу, – поспешно заверил Марк. – Просто попросить некого. Родственников нет, да и друзей таких, чтобы ребенка маленького доверить, – тоже нет. Есть друг закадычный, но он одинокий мужчина, с детьми дела не имел, не сумеет помочь. Вот такая история... невеселая.

Софья озадаченно терла лоб, стараясь собрать в кучу разбежавшиеся мысли. Сделала несколько вдохов-выдохов, поправила волосы, одернула халат.

– Послушайте, я вам благодарна за доверие, конечно. Но виданное ли дело, чтобы ребенка незнакомому человеку оставлять? Может, все же няню уговорить сдать билеты или обменять их на другое число?

– Нет, – мужчина покачал головой. – Она и так уже на грани.

– Почему?

– Потому что я всегда на работе. С утра до ночи. Она одна с ребенком, это тяжело. Няня в возрасте, и уже не хочет так много работать. Дважды просила найти себе замену.

– Понятно, – до Сони вдруг дошла безвыходность ситуации. – Что ж... Очевидно, придется согласиться.

– Спасибо, Софья Никитична, – Марк прикрыл глаза и облегченно выдохнул.

Соня прошла по палате туда-сюда, задумчиво поглядела в окно.

– А почему, интересно, вы именно мне это предложили? Ведь вы уже шестой день в больнице. Вокруг вас постоянно врачи, медсестры, санитарочки. Но ведь ни в реанимации, ни здесь, в терапии, вы никому не решились сделать такое, осмелюсь сказать, необычное предложение?

Уже светало. Где-то там, за горизонтом, просыпалось жаркое солнце, готовясь озарить землю ярким светом, дающим жизнь, радость и счастье. В чуть забрезживших лучах восходящего светила бледное лицо Марка казалось очень уставшим. Под глазами стали видны темные круги. Болезнь успела оставить след на его красивом мужественном лице.

Он чуть заметно пожал плечами.

– Когда вы два дня назад, – тихо проговорил он, смущаясь, – положили руку на мой лоб, я сначала подумал, мне снится сон. Так мама в детстве всегда проверяла, нет ли у меня температуры. Ее ладонь касалась моего лба нежно, легко и мягко... Точно так же вы тогда сделали. И я вдруг понял, что только вам могу доверить самое дорогое, что у меня есть. Понимаете?

Софья так расчувствовалась, что слезы подкатили, и, готовые пролиться, повисли на длинных ресницах. Она кивнула и, собравшись с силами, ласково усмехнулась.

– Ну, тогда рассказывайте, где ваше сокровище. Диктуйте адрес. И не забудьте сказать, как зовут дочку.

Новый день покатился по земле. Ожили рогатые трамваи, понеслись по рельсам стремительные вагоны метро, вышли на свою беспокойную вахту дворники. Город просыпался, раскрывал объятия грядущему дню.

Соня, сдав ночное дежурство, долго стояла на широкой лестнице городской больницы, решая, куда отправиться сначала. А потом, махнув рукой, легко пошла по аллее, ведущей в город. Будь что будет.

Новый день. Новые встречи. Новые радости...

Глава 12

Когда Софья с крохотной девочкой вышли из машины, их уже поджидала целая делегация. У подъезда стояла, прислонившись спиной к нагретой солнцем стене, недовольная Зинаида, а на скамейке возле крыльца сидели хмурая Вера и расстроенная Татьяна Львовна.

София, наклонилась к малышке и ласково улыбнулась.

– Ну, вот... Видишь, сколько людей нас встречают. Все тебе рады, бояться никого не нужно. Хорошо?

Малышка, подняв на нее небесно-голубые глаза, послушно кивнула и крепче сжала ее руку.

Приблизившись к родственникам, София предусмотрительно остановилась.

– Ну, что? Будем знакомиться?

Татьяна Львовна, шмыгнув носом, медленно встала со скамейки и, вздохнув, внимательно оглядела девочку. София, сразу раскусив ее намерения, предостерегающе подняла руку.

– Мама, все расспросы потом. Позже. Прошу тебя, никаких ахов и охов...

Татьяна Львовна горестно покачала головой, сдерживая рвущееся наружу раздражение и, все же сдержавшись, наклонилась к крошечной гостье.

– Здравствуй, милая. Как зовут тебя, маленькая?

Девочка долго смотрела на полную седую женщину, а потом вдруг озарила мир такой улыбкой, что Татьяна Львовна опешила. Малышка подошла к ней ближе.

– Таня, – произнесла она негромко.

Пожилая дама, не ожидавшая такого поворота дела, даже растерялась.

– Да ты что? Таня? Вот так сюрприз! И я Таня, представляешь? – Наклонившись, она обняла маленькую тезку, крепко прижав ее к себе. – Ах ты, чудо какое! Ну, добро пожаловать...

Зинаида, как оказалось, была настроена более жестко. Она, даже не подходя к Соне, угрюмо вздохнула и развела руками.

– Я, конечно, тоже промолчу сейчас, но потом в выражениях стесняться не буду. Даже и не надейся!

– Ну, не начинай, – София покачала головой. – Ты, Зина, ничего не знаешь, поэтому ни о чем судить не можешь!

Зина, по-прежнему оставаясь на месте, резко парировала:

– Зато я тебя, безотказную, знаю! Поговорим позже.

Пока подруги препирались, Вера исподтишка разглядывала неожиданную гостью. Девочка оказалась на редкость хорошенькой и удивительно похожей на них с Софьей. Светловолосая, голубоглазая, белокожая, она выглядела копией маленькой Сони. Только у Сони, Веры и Катюшки волосы не вились, а у малышки кудрявились, спадая на плечи крупными светлыми локонами. Вера сестру не порицала, не осуждала и не торопилась с выводами.

Когда узнавшая о решении дочери Татьяна Львовна запричитала, Вера спокойно обняла ее за плечи.

– Ну, чего ты раньше времени тревогу бьешь?

– Да как же не тревожиться, Верочка? Ведь она и так одна Катюшу растит, а тут еще какой-то ребенок. Чужой, непонятно откуда взятый...

– А что, чужих детей любить нельзя? – Вера хитро прищурилась.

– Не знаю. Не пробовала, – не поняла намек мать и всхлипнула. – Ну, зачем? Скажи мне, зачем Сонечке эта обуза? И почему она с нами не посоветовалась?

Вера строго глянула на мать.

– Мама, она достаточно взрослая, чтобы самой решать такие вопросы. Это ее жизнь, понимаешь? И ты ничего не можешь ей запретить...

– Боже мой, что ж теперь будет? – мать всплакнула.

– Да что ж будет, мамочка? – Вера досадливо сморщилась. – Ведь это же не навсегда. Ну, поживет у нее девочка месяц, ничего страшного. Ведь ты сама нас учила, что нужно людям помогать. Помнишь?

Татьяна Львовна ничего не ответила. Да и что тут скажешь?

Сидя на скамейке, Вера молча наблюдала за сестрой. Соня, раскрасневшись, казалась очень молодой. Румянец, чуть тронувший щеки, очень красил ее, взволнованную и бесконечно трогательную. Увидев, что Зина сердится, Вера решила, что пора вмешаться. Она встала со скамейки и подошла к малышке.

– Привет. Я – Вера. Как дела?

– Привет! Дела хорошо, – девчушка опять широко и открыто улыбнулась.

– Да? Ну и отлично. Дашь мне ручку?

Девочка сначала подняла глаза на Соню, словно спрашивая позволения. Софья одобритительно кивнула.

– Это моя сестра. Можешь пойти к ней.

Девчонка, почувствовав, что опасности нет, снова ласково улыбнулась Верочке и доверчиво протянула ей руку.

– Ну, что? – рассмеялась Софья. – Знакомство состоялось, пора домой обедать и чай пить. Пойдемте?

Стол накрыли дружно, весело болтали за обедом, старательно избегая разговоров о крошечной гостье. Во время обеда домой пришла Катя, которая, наконец, закончила занятия в музыкальной школе и с полным правом отдалась беззаботному летнему отдыху. Она спокойно вошла в гостиную, где за круглым столом сидели обожаемые ею люди: Вера, бабушка, Зинаида, мама... Но внимание Кати сразу привлекла незнакомая девочка, с интересом глядящая по сторонам. Катя, дружившая со всей малышкой их дома, изумленно оглянулась на маму.

– Ой, какая девочка! Это чья, мам?

Софья подошла к дочери, обняла ее за плечи и кивнула на маленькую гостью.

– Познакомься, Катюша, это Танечка.

– О, как нашу бабушку зовут, – Катя улыбнулась. – Чья она?

– Доченька, это я ее привезла, – Софья опередила дальнейшие расспросы.

– Да? – Катюша удивленно обернулась. – Откуда?

– Танечка у нас пока поживет, – осторожно подбирая слова, произнесла Софья. – Я тебе потом все объясню. Хорошо?

Катя внимательно поглядела на мать, на мгновение задумалась, а потом согласно кивнула и подошла к малышке.

– Танечка, какая ты хорошенькая. Как моя кукла. Ты уже поела?

– Поела. Очень вкусно, – девочка деловито сдвинула бровки.

Взрослые, внимательно наблюдающие за их знакомством, облегченно вздохнули и радостно загалдели, перебивая друг друга.

– Пойдем, я тебе мою комнату покажу, – предложила Катя. – У меня там есть куклы и детские книжки. Мам, а где она спать будет? – спохватилась Катюшка.

Вера обернулась к племяннице.

– Да какая разница, Катюш? Потом решите.

– Давай, и правда потом обсудим, – Софья благодарно глянула на сестру. – Я еще не успела об этом подумать.

– Ладно, – сразу согласилась Катя и, взяв Танечку за руку, повела ее знакомить со своими игрушками.

Когда девочки ушли, в большой светлой комнате повисла тишина. Вера, предчувствуя, что вот-вот начнутся нешуточные баталии, поспешно встала и плотно прикрыла дверь.

– Это правильно, – одобрительно кивнула Зинаида.

Софья, не отвечая, присела за стол и молча помешивала ложечкой остывший чай в синей чашке. Она решила ни за что не вступать в пререкания, во всяком случае, не начинать их первой. Но Зинаида и не собиралась дожидаться объяснений. Она, по праву первой подруги и уже почти родственницы, сама резко обернулась к Софье и, пристально глянув на нее.

– Ну? – требовательно произнесла она.

– Что «ну»? – Соня сделала вид, будто не понимает, чего от нее хотят.

– Ты, подруга, мне зубы не заговаривай. Рассказывай, как тебе в голову пришла эта сумасшедшая мысль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.